

Примечания:

Цыянь - режущий глаз, ослепительный.

Лилян - сила, власть, энергия.

Дацзе - старшая сестра, сестрица.

Из-за тёмной энергии в воде сменная одежда, хранящаяся в рукаве, промокла, как и та, что была на мне, так что на постоялом дворе приходится переодеться в вещи, купленные у хозяйки. Потуже затянув на себе халат, я цепляю ждущего в коридоре заклинателя за запястье и затаскиваю в тускло освещённую комнату. Обойдя развешанные по всем поверхностям одеяния, он уверенно садится на кровать. Я поджимаю губы - благовония в комнате горят, но не успокаивают, моё раздражение разгорается с ними.

- Знаешь, в таком свете... - начинает адепт из Сюэсэ Хоянь, правильное отношение к которому трудно определить.

- Что? - руки сами собой складываются под грудью.

- В таком свете я чётко вижу ямы под твоими прелестными глазками. Не хочешь прилечь вот сюда и поспать до утра?

Закатив «прелестные глазки», я подвязываю высохшей ленточкой волосы повыше:

- И упустить подходящее для поисков время? Все известные пропавшие пропали именно в ночные или предночные часы.

Пока я зажимаю один конец ленты зубами, парень возражает:

- До будущего вечера уже вряд ли случится что-то страшное. Так отчего бы не отдохнуть?

- Ты трусишь? - лента туго стягивает пучок. - Наглости в избытке, храбрости не так много?

- Не заигрывайся, - ровно произносит юноша. По спине от его тона бежит холодок, отдалённо знакомый. Я не соображаю, кого он мне сейчас напоминает, но вдруг соображаю другое:

- Как тебя зовут?

Имени его я до сих пор не узнала. Вежливость убежала в начале нашего знакомства вместе с озёрным духом.

- А, меня? - ощущение холода испаряется, парень неуместно веселеет. - Чжао Цыянь, молодая госпожа! Как прикажете величать вас?

Небеса, лучше бы и не спрашивала! От вольной речи к формальностям, нелепость же!

- Ван Лилян, - представляюсь я.

Имечко у тёмного заклинателя интересное, с одной стороны, от него веет обожанием тех, кто его дал, с другой, призывом остерегаться. Но при всей своей интересности, это имя мне не знакомо. А вот ему может оказаться знакомо нынешнее имя главы школы Нинцзин. А вот моё прежнее взрослое имя - едва ли.

- Ван Лилян-а, - протягивает он моё имя по-дружески тепло. - Такое суровое имя не помешает чуточку смягчить.

Я повторно закатываю глаза.

- Ван Лилян-а, гляди же, какая кроватка удобная, - идею затащить меня в кровать Чжао Цыянь не отбрасывает, призывно хлопает по одеялу и сюсюкает, как с дитяtkом. - Чистенькая, никто не покусает.

Бесит!

- Что ж, тогда ложись, затеряйся в Царстве Снов и нарвись на какую-нибудь злобную тварюгу!
- от души желаю я, подорвавшись, подобно бамбуку, брошенному в костёр, и распахиваю дверь в коридор.

Тяжкий вздох тут же рвётся наружу и будто зависает под потолком чёрной тучей. От бессилия прикладываю дрожащие пальцы ко лбу, а в мыслях только: «Надоело, надоело, как же надоело... и это что, детский смех?!» Отцепив ладонь от лица, я сталкиваюсь с мальчиком в бамбуковой шляпе. Он оттопыривает детские пальчики, манит ими за собой, не стесняется показать улыбку с недостающими зубками.

Я покачиваюсь, волевым усилием удерживаюсь на ногах и моргаю, прогоняя муть, заволокшую мир. Смех, однако, после этого не пропадает, он превращается в скорбный плач. Ребёнок перестал мерещиться - значит ли это, что плач настоящий? Откуда он?

- Слышишь? - оборачиваюсь к Чжао Цыяню. Слух у тёмного заклинателя должен быть не менее остёр, чем мой, он отличит, где иллюзия, где явь.

- Что? Я много чего слышу, - плечи его прыгают вверх-вниз.

- Будто ребёнок плачет, - поясняю я, почёсывая кулаки.

- А, это слышу!

Я сразу же срываюсь с места, вниз по лестнице, на первый этаж постоянного двора, откуда и доносятся тревожащие меня звуки. В спешке даже не захватываю фонарь, чтобы не было нужды всматриваться в темноту. Завывания дитя тем неувимее, чем ближе я к кухне. Когда я вхожу на кухню и огненным талисманом, без раздумий затолканным в рукав при одевании, зажигаю найденную свечу, ребёнок уже не столько плачет, сколько давит всхлипы.

- Там, - я подскакиваю - Чжао Цыянь неведомо как образуется за спиной! Следуй он за мной изначально, я бы обратила внимание!

- Там, - повторяет адепт Сюэсэ Хоянь, подбородком указав туда, куда я и без него глядела.

- Знаю, - я крадусь к дальнему концу помещения, где сложены корзины с редисом. За белыми кучами, в самом уголке, вместо редиса в корзине сидит зарёванный мальчик.

Крохотный и потрёпанный, будто бы извалявшийся в грязи, он трёт липкие щёчки кулачками. Однако важно то, что щёчки эти - совсем беленькие, как и глазки: дитя морщится, но не краснеет.

Я присаживаюсь перед малышом и ласково зову:

- Здравствуй.

Мальчик сосредотачивает на мне слезящийся взгляд.

- Здравствуй, дацзе, - он будто отвык говорить, простому человеку ни слова бы не разобрать.

Губы мои чуточку подрагивают, но всё же складываются в тёплую улыбку.

- Ты потерялся? - я придвигаюсь на цунь ближе. Ребёнок не спешит убежать или закрываться, что считается добрым знаком.

Мне с заминкой отвечают кивком. Помявшись и поёрзав в корзине, в которой смотрится крошечной редисочкой, мальчик добавляет:

- Я потерял дацзе. А потом потерялся сам.

Не задумываясь, я оглядываюсь на Чжао Цыня: тёмный заклинатель или светлый, он должен прийти к схожим с моими выводам. Оттого и рот закрыл, дав мне заняться делом.

- Я, - пальцем упираюсь себе в грудь, - похожа на твою старшую сестрицу?

Ребёнок кивает несколько раз.

- Потому ты заговорил со мной? Хочешь, чтобы я помогла тебе найти твою дацзе?

- Ты ведь можешь, дацзе? - с надеждой смотрит на меня это дитя.

Я со всей возможной теплотой треплю волосы мальчишки и обещаю:

- Могу. Клянусь, что приведу тебя к сестре.

Услышав желанную фразу, мальчик бросается в объятия - мне не остаётся ничего другого, кроме как подняться с ним в комнату на руках и укачивать, пока не уснёт. Чжао Цыня молчит вплоть до тех пор, пока я не укрываю ребёнка одеялом.

- Тебе не следовало давать мальчонке подобные обещания.

Это верно.

- Как ещё мне было его успокоить? - грубо отзываюсь я.

- Если ты не найдёшь его сестру, он расвирепееет и станет опасен. Тогда его точно не успокоить.

И это тоже верно.

- Но сейчас-то он безобиден. И он явно видит нас впервые, что означает, что в озере был кто-то другой. А этот ребёнок...

- Ещё жив, но раскололся на части, - подтверждает мои подозрения тёмный заклинатель. - Одна его половина где-то живёт и дышит, другая призраком воет в ночи.

- И собрать его воедино можно лишь приведя к сестрице, которую он ищет.

- Или просто найти вторую половину пацана и соединить их насильно, - хмыкает юноша.

Выбить бы ему дурь из головы!

- Ты хочешь разбить душу окончательно?! – шиплю от злости, не крича лишь из-за спящего мальчика. – Насилием можно только разрушать, но никак не создавать что-то!

- Тёмное искусство с тобой не согласится, - Чжао Цыянь взмахивает рукой.

Полы и рукава развешанных одежд покачиваются от дуновения энергии, выпущенной не мной, юноша же невозмутимо наблюдает за реакцией на свою пакость. Мне вспоминается учитель, чьи мысли отравил порочный базар, обиталище обмана и принуждения. Мерещатся Ян Гуйцзу, чья жизнь обернулась трагедией из-за чужой жестокости, и Фэн Цзяньсюэ, покинувшая Сюэсэ Хоянь и попросившаяся ко мне в ученицы.

- Даже светлые методы, направленные в насилие, уничтожают. Я не знаю противоположного, - выдыхаю, в конце концов.

- Так почему бы мне тебе его не показать?

Задержать дыхание. Снова выдохнуть. Опустить ресницы, чтоб глаза не видели.

- Не на столь хрупком примере, - зевот прорывается вперёд окончания фразы – ладонью не прикрыть даже.

Я не помню, как засыпаю, хотя детское сопение звучит во сне, как наяву. Смешиваясь со смехом мальчика в бамбуковой шляпе, ведущим меня за руку туда, где меня ждут, где будет легче и лучше, оно звучит потусторонне. Я мечусь по постели, сбиваю накинутое одеяло и просыпаюсь, маша руками и ударяясь запястьем о край кровати. Вспотевшая, беспокойная и ни капельки не отдохнувшая.

Ни ребёнка, ни тёмного заклинателя рядом нет. Посреди комнаты стоит бочка с согретой водой, что не стынет под заклинанием, высохшие одеяния сложены на столе в аккуратную стопочку. Подозрительная заботливость!

Чжао Цыянь появляется на пороге как раз тогда, когда я, спешно собравшись, цепляю меч на пояс. Мальчишка держится за его ладонь: в свете дня выглядит совсем беспризорником, но осколок души не то чтобы реально по-настоящему отмыть или вылечить, всё же он отражает состояние лишь части от целого, лишь целое возможно привести порядок.

- Ван Лилян-а хочет кушать? – напевает Чжао Цыянь добродушно.

- Вечер скоро? - однако я его настроение не разделяю: «Сколько времени потеряла?!»

<http://tl.rulate.ru/book/91799/2957099>